

Государственный научно-исследовательский
Институт реставрации
Музей фресок Дионисия

Ферапонтовский сборник

VI

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2002

К 1327887

О НИЛО-СОРСКОЙ ПУСТЫНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

XVIII столетие в истории Нило-Сорской пустыни, явилось, пожалуй, не самым ярким этапом ее существования, и поэтому данный период жизни обители в меньшей степени привлекает к себе внимание исследователей. В последние годы большой вклад в изучение истории этой пустыни в XVIII веке был сделан Е. Э. Шевченко, которая ввела в научный оборот три интереснейших источника из собрания документов Кирилло-Белозерского монастыря Российской Национальной библиотеки: описи пустыни 1701 и 1761 годов и «Книгу послужных списков настоятеля и братии Кирилло-Белозерского монастыря и приписных к оному монастырей и пустыней» 1732 года¹. В работе Е. Э. Шевченко, посвященной реконструкции состава книжного собрания Нило-Сорской пустыни в XVIII веке, дана, в частности, характеристика социального состава братии в начале 1730-х годов: указаны мирские и монашеские имена насельников пустыни, места их рождения и социальный статус, названы монастыри, в которых они были пострижены, и виды исполняемых ими послушаний, отмечено знание грамоты и владение тем или иным ремеслом. В статье впервые был опубликован план пустыни, приложенный к описи 1761 года. На этом уникальном чертеже зафиксированы расположение и планы деревянных построек пустыни, которые были полностью утрачены при перестройке ансамбля в XIX веке².

В РГАДА, в составе архивного фонда Кирилло-Белозерского монастыря, обнаружены новые документы 1730-х годов, относящиеся к истории Нило-Сорской пустыни: описные книги, составленные в декабре 1732 года, дело о назначении в 1735 году нового настоятеля и «перечневой табель» 1732 года, содержащий сведения о монахах Кирилло-Белозерского монастыря и приписных монастырей, в том числе и Сорской пустыни³. Последний

из названных документов был создан при следующих обстоятельствах. В начале 1730-х годов Синод издал указ, требующий заведение во всех монастырях и пустынях по особой утвержденной форме «именных книг» со сведениями о монашествующих, «с подробным означением прозваний, мест и времени рождения и пострижения». На основе этих книг в трех экземплярах составлялись «перечневые табели»⁴. Табель, находящийся ныне в РГАДА, и вышеупомянутая «Книга послужных списков...», хранящаяся в РНБ, безусловно, связаны друг с другом. Вероятно, в соответствии с установленными правилами в 1732 году в Кирилло-Белозерском монастыре первоначально были составлены «именные книги», а затем, когда содержащаяся в них информация была сведена в таблицы, появились «перечневые табели». Примечательно, что оба документа содержат аналогичные поздние приписки о последующей судьбе нило-сорских монахов.

Опираясь как на уже известные, так и на новые источники, мы попытались составить представление о внешнем облике и внутреннем укладе Нило-Сорской пустыни в первой половине XVIII столетия.

Нило-Сорская Сретенская мужская пустынь⁵ с 1641 по 1777 годы входила в число приписных обителей Кирилло-Белозерского монастыря⁶. Она располагалась на слиянии рек Сорки и Бородавы и находилась неподалеку от Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей.

В XVIII веке Нило-Сорскую пустыню управляли строители. Правом выбора настоятеля для пустыни обладали духовные власти Кирилло-Белозерского монастыря – сорских строителей назначали кирилловские архимандриты. Каждый новоназначенный в пустынь строитель получал из Приказа монастырского правления Кирилло-Белозерского монастыря особую инструкцию, разъясняющую его права и обязанности. При вступлении в должность он был обязан: принять по описным книгам постройки и движимое имущество; «строительскую должность управлять и в церквях священнослужение отправлять и всякое исправление по монастырскому обыкновению чинить как Духовный регламент и указы повелевают»; казенные деньги расходовать «без всякого излишества», все траты фиксировать в особых книгах, и те книги бережно сохранять; строго следить за обитателями пустыни, а «пришлых людей» ни под каким видом не принимать. Иными словами, от настоятеля требовалось содержать пустынь в порядке, деньги в целости, а братию в строгости. В заключение строи-

телю напоминалось, «ежели что указам и сей инструкции учи- нишь противно, и за то, по силе вины, восприимешь безпощад- ное себе истязание»⁷.

Документы сохранили имена трех настоятелей Нило-Сор- ской пустыни первой половины XVIII века: иеромонаха Кирил- ла (упомянут в 1701), иеромонах Игнатия Погорельского (упо- мянут в 1731–1732), иеромонаха Иллариона Воронина (опре- делен в октябре 1735)⁸.

Братия Нило-Сорской пустыни в рассматриваемый период была немногочисленной. По описи 1701 года, в пустыни прожива- ло восемь монахов. Двое из них имели священнический сан, а ше- стеро остальных исполняли послушания уставщика, пономаря и псаломщиков⁹. К 1732 году число насельников увеличилось до двенадцати: строитель, иеромонах, иеродиакон, два головщика, канонарх, четыре псаломщика, пономарь и рядовой монах¹⁰.

Характеризуя социальный состав сорской братии, Е. Э. Шев- ченко указывает, что в братстве пустыни преобладали выходцы из духовного сословия. Шестеро монахов, то есть половина бра- тии, до пострижения имели прямое отношение к духовному зва- нию: два сына священников и четверо сыновей церковных при- четников¹¹. Три монаха в прошлом являлись купцами, двое — крестьянами, один — посадским человеком¹².

По наблюдению Е. Э. Шевченко, обитатели Сорской пусты- ни не были уроженцами только близлежащих местностей и пост- риженниками Кирилло-Белозерского монастыря. Действительно, лишь третья часть братии жила в Белозерском уезде и только третья часть насельников приняла монашеский постриг в Кирил- ло-Белозерском монастыре. В пустыни жили уроженцы Москвы, Твери и Ярославля, Переславля-Залесского и Переславля-Рязанс- кого, Московского и Каргопольского уездов. Местами постриже- ния для монахов, объединенных в братстве Сорской пустыни, являлись как древние и знаменитые монастыри (Спасо-Преобра- женский в Ярославле, Никольский в Переславле-Залесском, Крестный в Каргополе), так и мало известные в то время север- ные пустыни (Преображенская Валаамская, Златоустова Поше- хонская, Никольская на Устье, Флоришева). Настоятель, строи- тель Игнатий, принял монашество в Нило-Сорской пустыни¹³. Как видим, зачастую люди приходили в Сорскую пустынь изда- лека, добрую половину ее насельников составляли уроженцы центральной России.

В 1732 году строителю Игнатию исполнилось 45 лет. Примечательно, что средний возраст монахов, населявших в то время Сорскую пустынь, составлял 47 лет и, следовательно, был близок возрасту настоятеля. Самому молодому из них было 35 лет, самому старшему — 68¹⁴.

Члены братии имели различный стаж пребывания в Сорской пустыни. По данным на 1732 год менее всех (всего лишь около полугода) в ней прожил монах Иона, являвшийся старейшим по возрасту. Подлинным долгожителем обители был шестидесятичетырехлетний иеродиакон Геннадий, две трети своей жизни посвятивший монашеству. Двадцать последних лет он находился в Сорской пустыни. Вообще, многие монахи оставались в ней подолгу. Так, монах Иосиф прожил в пустыни 15 лет, монах Авраамий — 13, монах Сергей — 11¹⁵.

Как отмечает Е. Э. Шевченко, четвертая часть монахов пустыни включая строителя монаха Игнатия, были неграмотны¹⁶.

Определенный интерес представляет тот факт, что в начале 1730-х годов в пустыни проживали родные братья — сыновья крестьянина Белозерского уезда монахи Игнатий и Симеон Погорельские и сыновья жителя Москвы, звонаря Спасского на Бору собора, монахи Владимир и Авраамий Шукины. Из братьев Погорельских первым в пустынь попал младший — Симеон, это произошло еще в 1728 году. Зато старший, Игнатий, оказавшись в пустыни в 1731 году, почти сразу же стал ее настоятелем. Из сыновей московского звонаря первым был также принят младший, иеромонах Авраамий, тогда как его старший брат, монах Владимир, пришел сюда на двадцать лет позднее¹⁷.

В пустыни существовала практика найма мирских работников; к примеру, «сторожевую службу» в ней несли два сторожа, для жительства которых имелась особая «сторожевская» келья¹⁸.

Основным источником средств существования обитателей Сорской пустыни являлись ружные выплаты из казны: как говорил строитель иеромонах Кирилл, «кормимся государевым жалованьем». Перечень жалованных грамот, хранившихся в пустыни в 1701 году, опубликован Е. Э. Шевченко. В нем упомянуто более 30 царских грамот разных годов о выдаче пустыни ружных денег. Некоторые из них датированы: Федора Иоанновича жалованная о руге 1588 года, Василия Иоанновича 1602 года, Михаила Федоровича 1621 и 1624 годов о выплате руги на Вологде из таможенных доходов, Федора Алексеевича 1677 года о выдаче ружных денег на Вологде из кабацких доходов¹⁹. Таким образом,

пустынь содержалась за счет собираемых в Вологде государственных налогов, в основном таможенных и кабацких.

По данным описи 1701 года, размер ежегодного жалованья сорских монахов был следующим. Настоятель получал по три пуда соли, по три четверти пшеницы и гречи, по десять четвертей ржи и овса в год. Монаху в сане священника платили по два пуда соли, по четвертику гороха, по двадцать четвертей ржи и овса. На долю рядового монаха ежегодно приходилось по пуду соли, по осьмине гороха, по десять четвертей ржи и овса. Выдачу продуктов «столового запаса» могли заменять денежным эквивалентом. На церковные потребности (ладан, свечи и церковное вино) выделялось по три рубля в год²⁰.

Некоторую прибавку к бюджету пустыни давали церковные доходы и пожертвования. По данным начала XVIII века плата за заказные молебны, которые служились в обители в течение года, составляла 4–5 рублей. Половина этой суммы оставалась в общей казне и предназначалась «на церковное и келейное строение», половина — делилась между монахами²¹.

Рассмотрев состав братии и средства содержания Сорской обители, обратимся к характеристике монастырского архитектурного ансамбля. На протяжении XVIII столетия, так же как и ранее, все постройки пустыни оставались деревянными. Храмов было три: соборная церковь Сретения, теплый храм Ефрема Сирина и церковь Обретения главы Иоанна Предтечи, устроенная над местом погребения основателя пустыни. Все они были одноглавыми, имели тесовые кровли и слюдяные окна. При каждой из трех церквей имелись трапезные.

Главным культовым сооружением пустыни являлся Сретенский храм. Его единственную главу венчал деревянный, обитый железом крест. «Под главою бочки построены крестовидно, и глава и бочки обиты чешуею деревянною». У входа было устроено массивное крыльцо с лестницами, спускающимися на две стороны²². В Сретенской церкви находился четырехъярусный иконостас. По описи 1701 года, в местном ряду располагались четыре иконы: справа от царских врат — Спас на престоле и Неопалимая Купина; слева — храмовый образ Сретения, затем северная алтарная дверь с изображением Благоразумного разбойника, а за ней — икона Иоанна Предтечи. По данным описи 1732 года, по краям местного ряда были добавлены два образа: справа — Животворящий крест Господень со страстями, написанный на холсте, а слева — икона Страстной Богоматери. К 1761 году образ

Страстной Богоматери заменили иконой преподобного Нила Сорского. Над местным ярусом размещался деисус, в состав которого, наряду с традиционными изображениями Спаса, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов, апостолов, святителей и великомучеников, входили иконы Ефрема Сирина, Никиты Переславского и Кирилла Белозерского. Если в 1701 году в деисусе было 16 икон, то к 1732 их число увеличилось до 17. Выше находились праздничный и пророческий чины, в каждом из них насчитывалось по 17 икон. Вдоль северной и южной стен церкви тянулись полки, на которых помещалось около 30 небольших икон. Для освещения храма использовалось большое медное паникадило весом в 1 пуд 25 фунтов. При церкви Сретения была устроена ризница для хранения церковных облачений и книг²³.

С южной стороны Сретенского храма, совсем рядом с ним, стояла церковь Обретения главы Иоанна Предтечи, в которой находилась одна из главных святынь обители — гробница преподобного Нила Сорского. Перед западным входом, ведущим из крыльца на паперть, стоял большой деревянный крест с изображением Распятия Господня, рядом с которым, вероятно на стене, помещался текст тропаря и кондака преподобному Нилу Сорскому. Иконостас Предтеченского храма состоял из двух ярусов — местного и деисуса. В местном ряду, по описи 1701 года, располагались пять икон: три справа от царских врат — Единородный Сыне, Иоанн Предтеча и Крест водружальный, и две слева — Явление Богоматери Цареградской, за ней — северная алтарная дверь и, крайний в ряду, написанный на холсте образ архидиакона Стефана. К 1732 году в ряд местных икон Предтеченской церкви был введен образ Нила Сорского, установленный на месте иконы Креста водружального. Напомним, что несколько позднее, ближе к середине XVIII века, икона с изображением основателя пустыни появилась и в местном чину соборного иконостаса. Состав деисуса Предтеченского храма в первой половине столетия оставался неизменным, в него входило 13 икон: образы Спаса, Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов, апостолов, четырех святителей, а также Ефрема Сирина и Кирилла Белозерского. Храм освещался медным паникадиллом, увенчанным двуглавым орлом²⁴.

Около южной Предтеченской церкви размещалась деревянная гробница преподобного Нила Сорского — «резная, золоченая по левкасу», с резной надписью. На крышке раки был изображен преподобный Нил. По данным описи 1701 года, над гробницей находились образ Распятия Господня, деисус из трех изображений,

а также несколько небольших икон, в том числе иконы Нила Сорского в молении Спасову образу и икона преподобных Ферапонта и Мартиниана. По данным описи 1732 года, комплекс убранства гробницы несколько изменился. При перечислении не упомянуты маленькие иконы, зато названы две иконы Троицы, одна из которых находилась в возглавии гробницы, другая — над гробом. В описи 1761 года гробница описана достаточно скупо, упомянуты иконы Распятия, Богоматери, Иоанна Предтечи и Троицы. При раке имелись покровы: в 1701 году — «покров тафтяной, другой покров бархатный алый», в 1732 году — «покров тафтяной, крест, копьё и трость шиты золотом», в 1761 году — пять покровов: «три камчатых, две голевой камки». Если в 1701 году над гробом находилась одна лампада, то к 1761 их стало две: одна — «белого железа», другая — серебряная. Над ракою подобного Нила была установлена «сень деревянная резная на резных столбах»²⁵.

В некотором отдалении от Сретенского и Предтеченского храмов располагалась церковь Ефрема Сирина — единственный тёплый храм пустыни. Рядом с ней, вдоль ее южной стены, пролегла дорога, ведущая из пустыни к пруду, мельнице и «в разные деревни». Вероятно поэтому вход в церковь был устроен не с западной, а с южной стороны.

Описания иконостаса церкви Ефрема Сирина в описях 1701 и 1732 годов имеют значительные расхождения.

По описи 1701 года в местном ряду, справа от царских врат, находились храмовый образ Сретения и икона Ефрема Сирина и Кирилла Белозерского, молящихся Спасову образу; слева — Одигитрия; северная алтарная дверь и на завороте — образ Обретения главы Иоанна Предтечи. Особо отмечено, что над северными вратами располагались три иконы: Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского и Леонтия Ростовского. Деисус состоял из семи икон.

Судя по описи 1732 года, в местном ряду размещались четыре иконы: с правой стороны — Спасителя и Ефрема Сирина, с левой — Богоматери Тихвинской и Николы Чудотворца; на северной двери был написан образ архидиакона Стефана, на южной — изображение креста. В состав деисуса входило 11 икон. Следовательно, в течение трех первых десятилетий XVIII века иконостас был существенно обновлен. В северо-западном углу обширной трапезной храма Ефрема Сирина находилась большая печь, выложенная муравленными изразцами. В описи 1732 года в трапезной упомянута икона Ефрема Сирина и Нила Сорского²⁶.

Посреди пустыни, обособленно от храмов, возвышалась сложенная из бруса колокольня. В начале XVIII века на ней находилось четыре колокола «больших и малых», а также были устроены железные боевые часы. В описи 1732 года указано, что один из этих колоколов был разбит, а часы обозначены как «ветхие». К 1761 году на колокольне по-прежнему числилось четыре колокола — три небольших и один тяжелый, а колокольные часы были «испорчены»²⁷.

Помимо храмов в пустыни имелись две шатровые часовни. В описи 1701 года отмечено, что одна из них стояла в 132 сажнях от церкви Сретения, над ее дверьми была укреплена икона Спаса Нерукотворного. Вторая часовня располагалась рядом с первой, в ней находился образ Казанской Богоматери. К середине XVIII века в пустыни осталась одна часовня, да и та, по всей видимости, была перестроена и перенесена на другое место. Во всяком случае, на плане, приложенном к описи 1761 года, видно, что эта часовня расположена за пределами пустыни²⁸.

По описи 1701 года, в Нило-Сорской пустыни находилось 10 жилых келий, располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга. 8 келий были заняты монахами, одну занимали сторожа, одна пустовала. В то время братия состояла из восьми монахов и, как засвидетельствовано в описи, жили они уединенно, каждому из них принадлежала отдельная келья. Через тридцать лет ситуация изменилась. По описи 1732 года, в пустыни существовало 11 келий, семь из которых использовались под жилье, а четыре пустовали. К тому времени число насельников увеличилось до 12. Учитывая, что настоятель жил в особой строительской келье, и еще одну келью занимали сторожа, членам братии, по всей видимости, приходилось проживать по двое в одной келье. В описи 1761 года фигурируют 6 жилых помещений: строительская, сторожевая и четыре братских кельи²⁹.

Из хозяйственных помещений в описи 1701 года зафиксированы крытый дранью амбар, в котором хранилась казенная рухлядь и посуда, сушило, хлев, конюшня и мельница. На плане 1761 года отмечены житница и обширный сарай, в котором размещались конюшня и три хлева, а также мельница, находившаяся за пределами пустыни³⁰.

Ни в одной из трех известных к настоящему времени описей пустыни не встречено упоминаний о стенах, ограждающих территорию обиталища. Более того, на плане, приложенном к описи 1761 года, не изображено даже подобия забора. Судя по всему, в XVIII веке стен вокруг Нило-Сорской пустыни не существовало.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении публикуется перечень настоятелей и монахов Нило-Сорской пустыни, чьи имена упомянуты в документах 1701–1735 годов.

Авраамий Шукин, иеромонах – родился в 1690 году, сын звонаря Спасского собора, «что во дворце на Бору» в Москве, мирское имя – Алексей Леонтьев; пострижен в монашество в 1710 году в Ройской Златоустовой пустыни Пошехонского уезда; в 1719 году определен в братство Нило-Сорской пустыни; упомянут в 1732 году³¹.

Алимпий, монах – в качестве пономаря упомянут в 1701 году³².

Владимир Шукин, монах – родился в 1682 году, сын звонаря Спасского собора, «что во дворце на Бору» (Москва), мирское имя – Василий Леонтьев; в 1720 году принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре и поступил в братство Нило-Сорской пустыни; исполнял послушание псаломщика; скончался 26 ноября 1739 года³³.

Геннадий Колупаев, иеродиакон – родился в 1668 году, сын посадского человека города Переславля-Рязанского, мирское имя – Гавриил Харитонов; в 1692 году принял монашество во Флорищевой пустыни; в 1709 году посвящен в иеродиакон; в 1712 году переведен в Нило-Сорскую пустынь; скончался 25 сентября 1736 года³⁴.

Дионисий, иеромонах – упомянут в 1701 году³⁵.

Евфимий Молчин, монах – родился в 1688 году, сын тверского купца, мирское имя – Ермил Никифоров; в 1726 году принял постриг в Преображенской Валаамской островной пустыни; в 1730-м определен в Нило-Сорскую пустынь; исполнял послушание псаломщика. упомянут в 1732 году³⁶.

Игнатий Погорельский, монах – родился в 1687 году, сын крестьянина вотчины Кирилло-Белозерского монастыря деревни Погорелки, мирское имя – Иоаким; в январе 1731 году пострижен в монашество Нило-Сорской пустыни; в 1731–1732 годах определен строителем пустыни; был неграмотен, владел «судописным» рукоделием³⁷.

Илларион Воронин, иеромонах – в первых числах октября 1735 года был определен строителем пустыни³⁸.

Иоанн Богданов, иеромонах – упомянут в октябре 1735 года³⁹.

Иона Бочек, монах – родился в 1680 году, сын священника Никольской церкви села Павловское Московского уезда, мирское имя – Иван Алексеев; в 1704 году принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре; в 1724 году переведен в Нило-Сорскую пустынь; исполнял послушание головщика; скончался в 1734 году⁴⁰.

Иона Позняков, монах – родился в 1664 году, сын причетника церкви Ильи Пророка Белозерского уезда, мирское имя – Иван Иевлев; в 1707 году принял монашество в Никольской, что на Устье, пустыни Белозерского уезда; в 1732 году вошел в братство Нило-Сорской пустыни; исполнял послушание канонарха⁴¹.

Иосиф Сорский, монах — родился в 1693 году, сын священника церкви Рождества Христова, «что в Сорове» Белозерского уезда, мирское имя — Иоанн Семенов; в 1730 году принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре и поступил в братство Нило-Сорской пустыни; исполнил послушание псаломщика; расстрижен 31 мая 1737 года⁴².

Иосиф Ярославец, монах — родился в 1695 году, сын ярославского купца, мирское имя — Иван Матвеев; в 1716 году принял монашество в ярославском Спасо-Преображенском монастыре; в 1717 году переведен в Нило-Сорскую пустынь; был неграмотен; упомянут в октябре 1735 года⁴³.

Кирилл, иеромонах — в качестве строителя упомянут в 1701 году⁴⁴.

Макарий Киселев, монах — родился в 1686 году, сын пономаря церкви села Бирючево Каргопольского уезда; в 1706 году принял постриг в Крестном Каргопольском монастыре; в 1724 году определен в Нило-Сорскую пустынь; исполнил послушание псаломщика; умел вязать лестницы; упомянут в 1732 году⁴⁵.

Матфей, монах — в качестве псаломщика упомянут в 1701 году⁴⁶.

Моисей, монах — в качестве псаломщика упомянут в 1701 году⁴⁷.

Нифонт, монах — в качестве псаломщика упомянут в 1701 году⁴⁸.

Серапион Холмогорец, монах — в качестве псаломщика упомянут в 1701 году⁴⁹.

Сергий Угрюмов, монах — родился в 1683 году, сын переславль-залесского купца, мирское имя — Стефан Васильев; в 1701 году принял монашество в Никольском монастыре Переславля-Залесского; в 1721 году переведен в Нило-Сорскую пустынь; исполнил послушание головщика; расстрижен в конце 1736 года⁵⁰.

Симеон Погорельский, монах — родился в 1697 году, сын крестьянина вотчины Кирилло-Белозерского монастыря деревни Погорелки, мирское имя — Стефан; в 1730 году принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре и поступил в братство Нило-Сорской пустыни; исполнил послушание пономаря; был неграмотен; расстрижен в сентябре 1737 года⁵¹.

Тимофей, монах — в качестве псаломщика упомянут в 1701 году⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита XVIII в. — Русь и южные славяне. СПб., 1994, с. 397–408; *Ее же.* Хозяйственные книги Нило-Сорского скита. — Кириллов. Краеведческий альманах, вып. II. Вологда, 1997, с. 45–51. Выражаю Е. Э. Шевченко искреннюю благодарность за поддержку и помощь в работе.

2. *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 404–407.

3. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1631; д. 2504; д. 175, л. 29 об.—30.

4. ГАЯО, ф. 190, оп. 1, л. 2.

5. В документах трехвековой давности этот монастырь именуется как «Сорской пустыни Нилов скит» (РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 1).
6. *Калинин И.* Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни Новгородской епархии. М., 1913, с. 11.
7. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 2504, л. 6–7.
8. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 2504, л. 6.
9. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22, 23 об.
10. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 175, л. 29 об.–30.
11. *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 175, л. 29 об.–30.
12. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 175, л. 29 об.–30.
13. *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 175, л. 29 об.–30.
14. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 175, л. 29 об.–30.
15. Там же.
16. *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405.
17. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 175, л. 29 об.–30.
18. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22 об.
19. *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 400.
20. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22–22 об.
21. Там же.
22. Там же, л. 2 об.
23. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 2 об.–3; Кир.-Бел. 105/1341, л. 2 об.–3; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1631, л. 2–2 об.
24. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 6–7; Кир.-Бел. 105/1341, л. 7 об.–8 об.; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1631, л. 4–5.
25. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 6 об.–7; Кир.-Бел. 105/1341, л. 8–8 об.; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1631, л. 4–4 об.
26. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 9 об.–10; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1631, л. 6–7.
27. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 12; Кир.-Бел. 105/1341, л. 11; РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1631, л. 14 об.
28. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 24–24 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 407.
29. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1631, л. 14 об.
30. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 23–23 об.; Кир.-Бел. 105/1341, л. 11–11 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 407.
31. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.–30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 130 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
32. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22, 23 об.

33. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 131 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
34. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 135 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
35. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22, 23 об.
36. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 132 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
37. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 130; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 404–406.
38. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 2504, л. 6, 21.
39. Там же, л. 21.
40. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 134; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
41. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 133; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
42. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 131; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
43. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; д. 2504, л. 21; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 134 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
44. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22, 23 об.
45. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 135 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
46. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22, 23 об.
47. Там же.
48. Там же, л. 22, 24.
49. Там же, л. 22, 23 об.
50. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 133 об.; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
51. РГАДА, ф. 1441, оп. 2, д. 1775, л. 29 об.—30; РНБ, Кир.-Бел. 119/1354, л. 132; *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита, с. 405–406.
52. РНБ, Кир.-Бел. 96/1333, л. 22, 23 об.